

Г. БАРАШКИН.

ФАЛЬШИВЫЕ ВЕСЕЛЯ.

Полдень. Ирлыкское солнце испекает землю. Все живое попряталось. Степь затихла. Только кузнечикам хорошо. Они стаями летают и неутомимо трещат. Станичный пастух-старик Джовак, рукавом рубашки стирая струящийся по бронзовому лицу пот гонит пестрый гурт к Куберле на обеденный водопой. Босоногий сынишка его - Эрдне, коротенькой белой палочкой метко щелкая по рогам замешкавшихся коров, торопит гурт, чтобы самому скорее броситься в воду и нырнуть в прохладную глубину.

Вот заблестела, наконец, змейкой в зеленой кайме степная речушка. Напасшийся по сухой, пыльной и жесткой траве скот жадно наливался водой и, тяжело пыхтя, располагается на привычном тырле тут же на берегу.

Искупавшиеся пастухи, съев свой скудный обед, спрятав головы в тени кустиков, завалились спать. Однако, старику Джовака не спится. Тишина и одиночество наводят на него раздумье. Перебирает он свою жизнь. Водна и сера она у него. Раннее сиротство; поздняя женитьба; смерть жены после родов; вдовство с сиротой мальчиком на руках; всю жизнь - беднота и вот уже пятый год пастухом - последний этап бедноты.

Жалко старику единственного сына, которого ожидает такая же серая, бедная трудовая жизнь.

- Надо бы его вывести в люди, чтобы жил он лучше меня... но как это сделать при моей бедноте... в школу бы дать, мальчик не глухой за полдня научился до десяти по-русски считать... кончил бы он окружное, учителем в станице стал или писарем в правлении... но четыре года надо за квартиру платить, одевать по форме, книги... где столько денег взять?... Ах, как нехорошо бедному - лениво думал Джовак, глядя на посапывающего во сне ребенка. Наконец и старик заснул.

Ж
К К

Палящие лучи солнца окосились и начинал подувать с запада мягкий ветерок, когда проснулись пастухи. Поднявшийся гурт, разбредясь, покидал тырло, направляясь вновь на толоки. Отец и сын пошли в разные края гурта, чтобы медленно сбивая его в кучу, направить на невыпасенную часть пастбища.

Проходя через пыльную проезжую стопную дорогу, старик набрал на свесий ночлег проезжих. Еще не развеянная зола от двух костров, не совсем высохший конский помет там-сям; следы колес, обеды сена, бараньи кости, хлебные корки, какие-то тряпки, спичечные коробки - все это ясно говорило, что прошлую ночь ночевало здесь несколько конных подвод.

Машинально отшвыривая палкой тряпки, раздавливая коробки и опрокидывая кучки сена, Джовак нашел что-то завернутое в холстину и перевязанное дратвой. Взял старик находку в руки и с любопытством развязал. В узелке оказалась пачка пестрых бумажек, все одинакового размера. Пачка была толщиной в два пальца.

- Ги... что это может быть - думал Джовак - похоже на деньги, но не деньги, таких не бывает; трешница - зеленая, пятерка - голубоватая, десятка - красная, а четвертная - розовая и все небольшого разме-

ра, а эти длинные, один конец чистый... какой-то кудлатый москаль в панцире сидит... Нет, это не деньги... Ага!... это фальшивые векселя, которыми русские жулики простаков калмыков обдуривают!... вишь проклятые едут, значит обманывать и подбрасывают... Надо их сейчас же уничтожить - решил Джовак, зажег кучу сена и стал туда бросать бумажки.

Эрдне, увидя, что отец развел костер и что-то палит, прибежал к нему.

- Иди сюда, сынок, помогай мне, на вот тебе эту пачку бумаг, бросай в огонь по пять-шесть штук, пока не кончишь всю - приказал старик сыну и, отдав ему пачку, отошел от огня.

Эрдне взял пачку и покорное начал жечь нестрые бумажки, любясь как они скручиваются от огня в трубку и горят разноцветным пламенем. Когда пачка уже кончалась, мальчик тайком от отца сунул пару бумажек в карман, чтобы дома оклеить ими крышу сундука, где хранятся его гайданчики.

ж
ж ж

К заходу солнца гурт возвращался в станицу. Усталый и размо- ренный вносем Джовак, пригнав гурт к окраине станицы, предоставив ско- ту разбредаться по дворам, приплелся домой и, выпив чашку кислого арьяна, лег на свою бедно убранную скрипучую кровать.

Эрдне, время от времени вынимавший и с любопытством рассма- тривавший свои разрисованные бумажки, подходя к своему двору, увидел своего дядю Гайцана и решил показать ему чудные бумажки. "Дядя умеет читать русское письмо, он разберет," - подумал он.

ж
ж ж

Джовак, закрыв глаза, собирался дремать, как вдруг послыша- лись на дворе быстрые шаги и обезпокоенный голос брата Гацана, кото- рый редко приходил к старшему брату. Дверь распахнулась и вошел брат, ведя за руку испуганного на вид Эрдню.

- Правда, Джовак, что вы сожгли в степи целую пачку таких бумажек, - спросил Гацан, показывая две бумажки, принесенные Эрдней.

- Да, пожег, - а что?..

- Ай, несчастный человек; Бог дал тебе счастье, а твоя тем- ная голова уничтожила. Это деньги!.. Море денег, каждая бумажка 500 рублей... Десять коннозаводств мог бы купить... Ай-ай, какое несчастье!..

Джовак с каким-то трудом кашлянул, шмыгнув носом, приподнял- ся на кровати и трясущимися руками стал молча набивать трубку. Лицо его побледнело и по вискам покатился мелкий холодный пот. Наконец глубоко вздохнул и глухим голосом сказал:

- Что поделать, судьба моя, анать!..

- Да, именно ваша судьба, а что Эрдне две бумажки в карман сунул, это тоже его судьба... Как ни бедно живете, брат, а эти Эрдне- вы 1000 рублей не должны трогать, на эти деньги его в школу посылай- те... С осени пусть начнет ходить в станичную.

- Нет, нет, я не трону его денег; я и так проживу, сам много думал, чтобы в школу сына отдать, а теперь доли выпала ему. Промотрело небо.

Для Эрди начиналась новая жизнь.

Ж
Ж

Победа русских большевиков над казаками и калмыками многим прервала или искривила жизненный путь... Отлично прошедший пять классов реального училища, уже подумывавший о факультете Эрди, бывалым, дважды раненым солдатом, очутился в эмиграции. Одна из немногих выехавших в эмиграцию калмычек стала его подругой. Он уже семьянин; у него двое детей. Трудно ему фабричной работой содержать семью, но он твердо решил провести своего первенца, теперь шестилетнего мальчика, через заграничные школы. Он помнит, как его старый, бедный отец - станичный пастух ни копейки не взял для себя, чтобы вывести его, Эрди, в люди.

---oO---

Шалвур НИМИНОВ.

Н О Ч Н Ы Е Д У М Ы.

Ночь зимней, долгой, лунной,
Когда в клетках Праги - сонный бред,
Напрягает нити мозг утомленный
И мутные волны мыслей вразброд
Давят лавиной мой лоб сморщенный...

I.

Вот искрится на солнце змейка Сал;
Зеленеет лугами Маныч соленый;
Здесь - цепь курганов, длевних могил;
Там, в камышах, полнорыбный Аул;
И стелется равнина степи ковыльной,
Где аймак наш старый когда-то был.

В честном труде здесь жизнь проводили;
Богу молились и боялись чертей;
Обильное молоко на раку переводили
И, не думая о беге грядущих дней,
В покое, довольстве, в мире проживали.

За чашей первой покой мертвым просили;
Вторую пили за здоровье детей;
Умноженья телят за третьей желали,
А потом, выходя, седлали коней
И верхами визиты продолжали.